

Н. Ю. Савин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Никита Юрьевич Савин — старший преподаватель департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: nikita.savin@hse.ru.

Аннотация. Понятие политического — центральная и в то же время одна из самых противоречивых категорий в политической мысли. Несмотря на долгую историю рефлексии о политическом, на сегодняшний день отсутствует консенсус по поводу не только содержательного наполнения данного понятия, но и самого его права на существование. Цель настоящей статьи заключается в прояснении эпистемологических возможностей политической теории в отношении понятия политического.

Если политическая теория является частью позитивной политической науки и представляет собой автономную от философии форму знания, она должна включать в себя и особый способ мышления о политическом. В статье дается краткая характеристика предметного поля политической теории, описывается специфика ее взгляда на социальные и политические феномены, обосновывается тезис о том, что политическое манифестирует себя в виде события.

В силу имманентной ангажированности политической мысли знание о политическом событии невозможно за его пределами. В связи с этим, по мнению автора, политическая теория должна концентрировать внимание на *пред-*политических ситуациях, в которых могут возникнуть политические события. Для идентификации таких ситуаций необходимо сместить фокус с формулы «друг—враг» на оппозицию «человеческое—нечеловеческое». Политическое событие случается тогда, когда на коллективном уровне проблематизируются фундаментальные нормы человечности и открывается пространство, где втянутые в событие люди вынуждены занимать ту или иную сторону. Граница между человеческим и нечеловеческим в политическом событии стирается, что обуславливает экзистенциальный характер противостояния друзей и врагов.

Ключевые слова: политическая теория, политическое, политические концепты, политическое событие, человек

Понятие политического — одна из самых противоречивых категорий современной политической теории. С одной стороны, «политическое» в виде субстантивированного прилагательного было предметом

внимания многих ключевых авторов XX столетия, в том числе Карла Шмитта, Ханны Арендт, Клода Лефора, Жан-Люка Нанси и др. С разных теоретических позиций все они использовали это понятие для выражения тезиса о нейтрализации политики как автономной сферы человеческой деятельности и колонизации ее смежными сферами экономики или морали¹. С другой стороны, постановка вопроса о политическом как о чем-то отличном от политики носит схоластический характер и уводит политическую теорию в нескончаемый спор об универсалиях. Показательно, что те же Шмитт и Арендт в своих работах дают принципиально разные трактовки политического².

¹ Marchart 2007: 44.

² О понятии политического у Арендт и Шмитта см., напр. Филиппов 2015.

Вызывает сомнения и сама возможность постановки вопроса о понятии политического. Ален Бадью, например, видит в нем скрытую попытку философской приватизации политики. Вместо споров о политическом, с его точки зрения, нужно сфокусировать внимание на активистски истолкованной политике как функции производства истины. «Политическое всегда являлось лишь фикцией, которую политика пробивает событием», — утверждает он³. Парадоксальным образом в качестве примера такого «философского фарисейства» он приводит Арендт⁴, которая начинает свои рассуждения о политическом с противопоставления философского и политического стилей мышления.

³ Бадью 2005: 11.

⁴ Там же: 103—105.

В литературе о понятии политического можно условно выделить три эпистемологические перспективы: (1) политической включенности, (2) отстраненной философской рефлексии и (3) «третьего пути» — особой формы мышления о политическом. Под углом зрения включенности о политическом писали Шмитт, Арендт и Шанталь Муфф. Для Шмитта рефлексия о политическом сопряжена с принятием некоей политической позиции⁵. В свою очередь, в глазах Арендт включенность подразумевает скорее не политическую позицию, а модус отношения к жизни: осознать специфику политического можно только в рамках деятельной жизни, ибо жизнь созерцательная стирает границы между различными способами деятельного существования — трудом, действием и созиданием⁶.

⁵ См. Шмитт 2016: 305—307

⁶ См. Арендт 2017: 17—33.

Вторая перспектива просматривается в трудах Лефора и Лео Штрауса. Определение политического, сформулированное Лефором, требует отстраненной позиции, с которой общество может быть увидено как целое⁷. Схожей точки зрения придерживается Штраус. Примечательно, что в своей критике понятия политического у Шмитта он попытался подвести под его рассуждения отстраненно-философский фундамент через привязку политического к идее естественного состояния⁸.

⁷ О политическом у Лефора см. Lefort 2000.

⁸ См. Майер 2012: 43—45.

К приверженцам третьего подхода можно отнести Филиппа Лаку-Лабарта и Нанси. «Вопрошание о политическом или о сущности политического... — пишут они, — поднимает вопрос о политических предпосылках философии как таковой (или, если угодно, метафизики). Но эта детерминация не производит политической позиции; это сама позиция политического — от греческого полиса к тому, что в эпоху Современности развертывается как квалификация политического субъектом

⁹ *Lacoue-Labarthe and Nancy 1997: 110.*

(а субъекта — политическим)⁹. Для них рассуждение о политическом означает разрыв с современными формами мышления и возвращение к античным истокам данного понятия.

¹⁰ *Мангейм 1994: 8.*

Политическая теория как составная часть позитивной политической науки и автономная от философии форма знания рождается в XX столетии, отделяя себя в том числе от политической публицистики и истории политической мысли. Обретение той или иной наукой об обществе автономии от философии и последующая ее институционализация в системе производства позитивного знания являются коррелятами других социальных процессов. Говоря словами Карла Мангейма, типы мышления могут быть поняты лишь с учетом их социальных корней¹⁰. Политическая наука, а вместе с ней политическая теория становятся, таким образом, специфически современными формами знания о политике. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере политическая теория нуждается в понятии политического и что она может о нем сказать? Чтобы ответить на него, прежде всего необходимо очертить предметное поле политической теории как составляющей политической науки и обозначить специфику ее угла зрения.

Предметное поле политической теории

¹¹ *Dunning 1902, 1905, 1920.*

На протяжении XX в. вопрос о том, что такое политическая теория, становился предметом рефлексии множества авторов и вызывал острые дискуссии в философии и политической науке. С момента зарождения и институционализации политической науки политическая теория была ее неотъемлемой частью. Классические работы по политической теории первой половины XX в. — это «История политических теорий» Уильяма Даннинга¹¹ и «История политической теории» Джорджа Сэйбина¹².

¹² *Sabine 1937.*

Принципиальные сомнения в роли и месте политической теории в системе производства политического знания были высказаны сторонниками «бихевиоральной революции» в политической науке. Ведущие представители Чикагской школы политических исследований Чарльз Мэрриам и Гарольд Лассуэлл утверждали, что политическая теория должна отказаться от нормативных спекуляций и стать эмпирически проверяемым набором гипотез о политическом поведении¹³. Под их влиянием обозначился четкий водораздел между «эмпирической» и «нормативной» политической теорией. Приверженцы первой, в частности Роберт Даль, Альфред Коббан и Дэвид Истон, заявляли о смерти «нормативной» политической теории как способа знания о политике на фоне развития позитивного научного знания¹⁴.

¹³ *Павлов 2008: 14—15.*

¹⁴ *См. Коббан 2008; Даль 2008; Истон 2008.*

Однако эту точку зрения разделяли далеко не все. Как отмечает Шелдон Уолин, в области политической теории «бихевиоральная революция» не была научной революцией в том смысле, в котором использовал это понятие Томас Кун¹⁵, и не вывела эту дисциплину на новый уровень, установив новую господствующую теорию¹⁶. Более того, бихевиористская критика привела к усилению рефлексии в отношении

¹⁵ *См. Кун 2009.*

¹⁶ *Уолин 2008: 279.*

¹⁷ Ганнел 2008. позитивного знания о политике, обернувшись «теорией теорий»¹⁷. В 1950—1960-х годах вышла целая серия работ, описывавших эвристические возможности «нормативной» политической теории, выступавшей под разными именами — собственно политической теории, политической философии, политической мысли. Среди ключевых авторов здесь можно выделить Исаяю Берлина, Арндт, Майкла Оукшота и Штрауса. Несмотря на существенные различия в подходах, все они сходились в том, что эвристические особенности политической теории определяются, во-первых, своеобразием стоящих перед ней вопросов, а во-вторых, спецификой поиска ответов на них.

Проводя различие между формальными, эмпирическими и философскими вопросами, Берлин обращает внимание на то, что последние не предполагают однозначного и окончательного ответа. Прежде всего это касается вопросов власти, правления, равенства, справедливости, постановка которых задана специфически человеческим измерением жизни и тесно связана с трактовкой того, что есть человек¹⁸. Привязка политического к человеческому — сквозная тема в политической мысли, восходящая еще к Аристотелю, отмечавшему, что «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не в силу случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»¹⁹.

Акцент на человеческом как особенном измерении жизни вносит в политическую теорию раскол между партикуляризмом и всеобщностью. С одной стороны, человеческое измерение в существовании людей противопоставляется животному (на основании такого разделения Арндт, например, исключала тему насилия из фокуса политической мысли²⁰), с другой — оно рассматривается не как рядоположенное животному, а как высшая способность человека, в которой тот обретает свое совершенство²¹. «Исходно политическая философия была тождественна политической науке и была *всеохватывающим* (курсив мой — Н.С.) изучением человеческих дел», — констатирует Штраус²². И здесь, вслед за Данте Джеремино, можно вспомнить о дуалистической трактовке политики Аристотелем, у которого она выступает одним из видов практической философии и вместе с тем синонимом практической философии как таковой²³. Эти два полюса задают предметное поле политического теоретизирования, в рамках которого политика предстает автономной от других видов деятельности, но при этом возвышается над ними, ибо охватывает все, что имеет отношение к делам полиса.

Привязка политического к человеческому обуславливает неустранимость политических вопросов из человеческой жизни. В связи с этим Берлин уподобляет потребность в политическом теоретизировании потребности в вере: подобно тому как в истории человечества не было эпох без веры, не могло быть эпох без политической философии²⁴. В то же время привязка вопросов политической теории к проблеме подлинно человеческого в жизни людей обрекает на провал любые попытки четко зафиксировать круг этих вопросов и тем более дать

¹⁷ Ганнел 2008.

¹⁸ См. Berlin 1978.

¹⁹ Аристотель 2010: 24.

²⁰ Арндт 2011: 15—16.

²¹ Аристотель 2010: 25.

²² Штраус 2000: 16.

²³ См. Джеремино 2008.

²⁴ Понятия политической теории и политической философии используются Берлином как взаимозаменяемые (см. Berlin 1978: 143).

на них исчерпывающие ответы. Вопрос о том, что такое человек, очерчивает пределы познавательных способностей человека, осознание которых тем не менее не влечет за собой отказа от вопрошания.

Обретая артикуляцию в политической мысли, человеческое конкретизируется в фигуре гражданина как носителя прав и свобод. Идея гражданина, как и идея политического, включает в себя специфическую идею равенства. Механизмом, обеспечивающим таковое, является исключение тех, на кого оно не распространяется²⁵. В той мере, в какой человеческое обнаруживает пределы познавательных возможностей человека и не может быть исчерпывающе артикулировано, политическое исключение неустранимо из жизни людей. Рассматривая противоречие между всеобщностью и партикулярностью, Джорджио Агамбен подчеркивает, что, помимо внешнего исключения, политические отношения всегда содержат в себе исключение внутреннее (например, в форме поражения в правах отдельных групп населения)²⁶.

Противоречие между партикулярностью и всеобщностью закладывает в политическую теорию оппозицию политики как сложившегося порядка, воспроизводящего определенные отношения господства, и политического как вызова этим отношениям. Любой политический порядок предполагает определенное партикулярное (но претендующее на универсальность) представление о человеке. Подобные представления неизбежно вступают в конфликт между собой. При обнаружении этого конфликта и происходит манифестация политического.

²⁵ См. «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» в Шмитт 2016.

²⁶ См. Агамбен 2011: 215—217.

**Специфика
угла зрения
политической
теории**

Экзистенциальный характер вопросов, которые являются предметом политического теоретизирования, отражается на их осмыслении. Говоря о методе политической теории, Оукшот описывает его, исходя из этимологии слова «теория». В переводе с греческого *thea* — это нечто увиденное; *theorein* — наблюдение за тем, что происходит; *theoros* — наблюдатель, стремящийся понять увиденное; *theoria* — теоретизирование, процесс осмысления и понимания увиденного; *theorema* — результат теоретизирования. Теоретизирование обуславливается рефлексивной природой мышления: увиденное, *thea*, уже содержит в себе первоначальную оценку, которую наблюдатель, *theoros*, старается углубить и прояснить²⁷. Оукшот фокусирует внимание на непосредственном характере теоретизирования, что препятствует объективации и отчуждению его результатов. Конституирующее саму практику теоретизирования противоречие между объективированным и рефлексивным пониманием преодолевается за счет «прерывания», которое может быть произвольным, систематическим и порожденным изначальной редукцией *thea* к некоторому факту опыта²⁸.

²⁷ Оукшот 2008: 94—96.

²⁸ Там же: 97—99.

Подобно многим другим авторам, Оукшот отождествляет метод политической теории с философским видением мира. Такое отождествление, как правило, призвано подчеркнуть отличие политической теории и позитивной науки от публицистики. Так, Джеремино считает нужным

напомнить, что в эпоху Античности понятие «теория» использовалось в том числе для описания жизни философа. У Платона *theoria* — это то, чем занимается покинувший пещеру философ; у Аристотеля выражение *bios theoretikos* обозначает жизнь в философском созерцании²⁹.

²⁹ Джеремино 2008: 341.

В то же время многие авторы подчеркивают ангажированный и деятельный характер политической мысли, далекий от отстраненной созерцательности. Ричард Эшкрафт указывает на то, что, в отличие от философии, политическая теория идеологизирована и ориентирована на решение конкретных политических проблем, стоящих на повестке дня. Арндт идет еще дальше, противопоставляя деятельную и созерцательную жизнь, а вместе с ними — политическую мысль и философию.

³⁰ Об идеологии как претензии партикулярного на универсальность см. Laclau and Mouffe 2001.

Идеологизированность политической мысли вытекает из противоречия между партикулярностью и всеобщностью³⁰. До тех пор пока вопрос о человеке не может быть разрешен посредством разума, политической теории неизбежно будет присущ перспективизм³¹. Вместе с тем такому перспективизму чужд релятивизм, поскольку вопросы, оказывающиеся предметом осмысления, носят экзистенциальный характер. По той же причине неотъемлемой чертой политической теории остается «стремление к истине». В эпоху Античности противоречие между партикулярностью и всеобщностью политической мысли снималось в самой политике, которая трактовалась как единство мысли и действия. Проблема идеологизированности политической мысли приобретает свою остроту в условиях Современности, вслед за утратой античного опыта политики, а тем самым — и способа снятия противоречия между партикулярностью и всеобщностью.

³¹ О перспективизме как характеристике политической философии см. Капустин 2010.

Духовные изменения, вызванные Реформацией, Просвещением и Французской революцией, радикально усиливают контингентность социальных отношений, делая социальную действительность необозримой с произвольно занятой социальной позиции. Процессы, описываемые как функциональная дифференциация подсистем общества, отчуждение и разорванность человека, имеют своим коррелятом дезинтеграцию знания в форме отсоединения позитивных наук об обществе с их собственными моделями «естественного человека» от философии. Роль субститута истины берет на себя идеология, понятийное раскрытие которой оказывается в фокусе внимания философии и социологии Нового времени. Логическим завершением этого процесса становится коммодификация научного знания и фактический отказ от истины как телоса философии в ряде направлений философской мысли второй половины XX в. (Ричард Рорти, Жан-Франсуа Лиотар и, с оговорками, Юрген Хабермас).

В какой мере политическая теория как всеохватное изучение человеческих дел возможна в условиях Современности? Если истина необозрима с произвольно занятой социальной позиции, то какая позиция открывает взгляд на всеобщее? В этом контексте актуализируются вопросы о том, кто в данном обществе дискриминируется, как в этой дискриминации вызревает самосознание и ведется борьба за свободу. Позиция властвующих будет лишь инструментом воспроизводства

³² См. Манхейм 1994: 52—94.

доминирующей идеологии³². Даже иницируя фундаментальные изменения в жизни общества, власть продолжает вуалировать и легитимировать сами властные отношения. Человеческое открывается с противоположной стороны отношений господства. Эта линия мысли, восходящая к Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю, представлена, в частности, в работах Александра Кожева. Если принять известный гегелевский тезис, согласно которому историей движут рабы, то политическое как духовное переживание, как будущее, вызревающее в настоящем, открывается лишь с позиции угнетенных. В отличие от господина, который пребывает неизменным, раб меняется благодаря своему труду³³. Это и есть всеобщее, раскрываемое с позиций частного. Но, солидаризируясь с угнетенными, политическая теория остается реляционной контексту и не способна освободиться от философского догматизма в виде попыток дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, что такое человек, и свести политическое к некоей конкретной сущности.

³³ Кожев 2013: 226.

Подобная позиция определяет взгляд на вероятное будущее. До тех пор пока история видится как борьба за свободу, политическое знание как знание о всеобщем генерируется со стороны угнетенных как переосмысление их переживаний. И здесь неизбежно встает вопрос: кто в обществе является угнетенным? На этот вопрос нет универсального ответа. Политика содержит в себе разнообразные линии угнетения; их выявление и сведение воедино множества истин и создает политику как единство мысли и действия, как писали о ней античные авторы. Политическая мысль как деятельность неотделима от политики, а политика неотделима от политической мысли.

³⁴ См. Сэйбин 2008.

Акцент на настоящем и будущем отличает политическую мысль от философской. В качестве продукта теоретизирования отчужденная от своего автора политическая теория устремлена в будущее, делая упор на переустройстве общества³⁴. Прошлое может быть предметом интереса, но исключительно как инструмент понимания настоящего и будущего. Рассуждая на эту тему, Теренс Болл выделяет два типа политических теорий, условно обозначая их как теории первого и второго порядка³⁴. Политические теории первого порядка производят суждения о действительности, а продуктом политических теорий второго порядка становится «канон» политической мысли. Однако подобное различие на проверку оказывается мнимым, поскольку одно дополняет другое. Причина бегства в прошлое заключается в том, что какие-то формы политического опыта сегодня нам недоступны. Именно с этим, в частности, связан такой интерес к античным классикам, которые, говоря словами Штрауса, «видели политические вещи со свежестью и непосредственностью, не имеющими себе равных»³⁶.

³⁵ См. Болл 2008.

³⁶ Штраус 2000: 26.

Настоящее и будущее в этом контексте следует противопоставлять скорее не прошлому, а вечности и безвременью. Как отмечает Эндрю Винсент, отличие политической теории от философии в том, что если первая ориентирована на сегодняшний день, то вторая не имеет временных ограничений³⁷. Перефразируя эту мысль в духе Арендт, можно

³⁷ Vincent 2004: 8—9.

сказать, что политическая теория остается во времени, тогда как философия покидает его пределы, устремляясь в вечность. Если философия рассматривает время из вечности, то политическая мысль, напротив, смотрит в вечность из времени. Только из времени видны «универсалии» политики, которые в разные эпохи получают разное содержание, но обретают артикуляцию лишь в настоящий момент. Отсюда специфика утопий в политической мысли — это утопии не торжества абстрактного добра, а преодоления конкретных исторических несправедливостей.

Вырождение политической теории в историю политической мысли всегда социально обусловлено. Политическая теория, утверждает Уолин, рождается в моменты кризисов и неопределенностей³⁸. В свою очередь Берлин полагает, что политическая теория возможна лишь в обществе, где присутствует плюрализм целей³⁹. Из этой открытости к неопределенности проистекает и принципиальное неприятие политической теорией какой-либо «корневой» философии или онтологического основания политики.

Плюрализм, присущий политическому теоретизированию, исключает возможность сведения его к некоему набору стилей мышления. И здесь нельзя не согласиться с Винсентом, считающим заведомо обреченными попытки привязать политическую теорию к каким-либо философским школам⁴⁰. Критика политической теории как дисциплины есть следствие несоответствия ее чьим-то, в частности бихевиористским, ожиданиям. Поэтому о специфике угла зрения политической теории можно говорить лишь в самом общем плане, ибо в разных научных и политических контекстах она обретает разные формы и функционально институционализируется в связке с другими видами политического знания и отраслями его производства.

³⁸ См. Уолин 2008.

³⁹ См., напр. Berlin 1978: 149.

⁴⁰ Vincent 2004: 8—9.

Политическое как человеческое

⁴¹ Тематика времени активно обсуждается в отечественной политической науке (см., напр. Ильин 1995). Большое внимание уделяется ей и в истории понятий (см., в частности, Козеллек 2016).

Темпоральная природа отличия политической мысли от философии диктует обращение к категории времени как основе специфического отношения политической мысли к политическому⁴¹. Если взглянуть на дискурс о политическом через призму хронотопа как четырехмерного пространства-времени, нельзя не заметить превалирования пространственного толкования этого понятия над временным. Две наиболее известные трактовки политического носят подчеркнуто пространственный характер. У Шмитта условием политического является экзистенциальное публичное противостояние друга и врага. Для Арендт политическое присутствует там, где равные выходят из сферы частного в область публичного. В обоих случаях политическое мыслится как автономная сфера или область духовной деятельности человека.

В отличие от смежных стилей мышления, политическая теория рассматривает политическое не как чисто пространственную, а как пространственно-временную категорию. Во-первых, имманентная ангажированность политической мысли не позволяет занять позицию отстраненного наблюдателя по отношению к миру политики и разглядеть

некую вневременную «сущность» политического. Такая «сущность» всегда будет идеологической мистификацией, примером которой может служить редукция политики к экономике или к межгендерным отношениям. Во-вторых, акцент политической теории на будущем делает любое «сущностное» понимание политического инструментом дискурсивного обрамления грядущего политического действия. Применительно к политическому вопрос «когда?» имеет не меньшее значение, чем вопрос «где?».

⁴² Филиппов 2004: 7.

Политическое может ожидать, наступать, происходить, возникать. Релевантной добавочной категорией для него является «событие» как соотносительное акту наблюдения единство пространства и времени⁴². Если в трехмерном статичном пространстве политическое может быть захвачено разумом, то в четырехмерном пространстве-времени его можно уподобить хайдеггеровскому *dasein*, где время выступает экзистенциальным горизонтом бытия. Понятое таким образом политическое событие может быть обнаружено разумом лишь в качестве уже свершившегося. Если же политическая теория направляет свой взгляд в будущее, то в настоящем она может лишь обнаружить *предполитическое* посредством рефлексии коллективно разделяемых переживаний. При этом нельзя однозначно сказать, случится или нет на основе этих *предполитических* переживаний политическое событие.

В силу устремленности политической теории в будущее политическое событие должно пониматься перспективно, а не ретроспективно. Но вместе с тем целью его рассмотрения не может быть выявление условий, необходимых и достаточных для его наступления, что позволило бы предвосхитить политические события. На структуралистском языке этот момент непредсказуемости артикулируется как невыводимость политического из социального, на конструктивистском — как несводимость последствий к интенциям действующего лица. Здесь достигается непреодолимый эпистемологический рубеж в том, что политическая теория способна сказать о политическом. На структуралистском языке могут быть выделены достаточные для наступления политического события условия, на конструктивистском — необходимые. В «слепом пятне» этих двух подходов оказывается, собственно, сам момент непредсказуемости и случайности, к описанию возможных очертаний которого и сводится рассмотрение понятия политического. С одной стороны, его нельзя полностью устранить — например, через социологическое сочетание структурализма и конструктивизма в духе Пьера Бурдьё. Такая оптика привела бы к редукции политического до предписанной деятельности агентов в пределах предзаданного политического поля. С другой стороны, концентрация на этом моменте и его гиперболизация влекут за собой тенденцию к метафизичности и умножению праздности языка. Как заметил когда-то Людвиг Витгенштейн, о чем нельзя сказать ясно, о том следует молчать⁴³. За пределами политического события говорить о нем ясно невозможно, но можно построить его теоретическую аппроксимацию, выделив то, что необходимо для его наступления.

⁴³ См. Витгенштейн 2011: 41.

Для обнаружения *предполитической* ситуации нужно сместить фокус с формальных категорий «друг—враг» в сторону их содержательного коррелята — «человеческое—нечеловеческое». Привязка политического к человеческому, как уже говорилось, проходит красной нитью через все споры вокруг этого понятия. *Политическое событие случается тогда, когда на коллективном уровне оспариваются фундаментальные нормы человечности.* Этот тезис нуждается в двух пояснениях.

Во-первых, человечность не является предметом непрерывного осмысления в повседневной жизни людей. Понятие человека обнаруживает себя лишь в предельных формах человеческого опыта. О человеке может говорить только тот, кто был по ту сторону человеческого, отмечает Агамбен⁴⁴. При этом открывающаяся человечность остается не более чем переживанием, которое невозможно в полной мере донести до других посредством коммуникации. Свидетельством тому служит, в частности, не раз зафиксированная глухота окружающих к рассказам узников концентрационных лагерей⁴⁵.

⁴⁴ Агамбен 2012: 13—41.

⁴⁵ Там же.

Поскольку человечность открывается лишь в уникальном опыте, она не может быть приватизирована разумом и сведена к философским формулам. Человеческое всегда будет оставаться тем, что Жак Деррида называл призраком, относительно которого трудно понять, существует он или нет⁴⁶. Проникая в нашу жизнь, но не бытийствуя в ней, человеческое оставляет следы своего присутствия в виде, например, морали и права. Когда обнаруживаются пределы такого присутствия, в лакунах между его следами и возникает *предполитическая* ситуация.

⁴⁶ См. Деррида 2006: 9.

Во-вторых, оспаривание человечности происходит не в виде вызова, бросаемого одним коллективным субъектом другому. Бесчеловечность открывается для некоего сообщества наблюдателей, компрометируя легитимирующие социальный порядок символические конструкции. Призраки рассеиваются, и наступает момент истины, в котором граница между *человеческим* и *нечеловеческим* стирается. Политическое событие определяет поле, в котором обнаруживают себя люди, оказавшиеся перед необходимостью решить, кто является публичным другом, а кто — врагом. Наложив оппозицию «человеческое—нечеловеческое» на формулу «друг—враг», можно сказать, что политическое событие происходит там, где присутствует идентификация *другого* как лишаяющего *нас* своим действием или бездействием человеческого достоинства.

Такой гуманистический конструктивизм является альтернативой феноменологическому эссенциализму Арендт и государствоцентричному подходу Шмитта. Описывая античный режим человечности, Арендт неявно говорит о природе человека и ее подавленности, что противоречит идее обусловленности человека внешним миром. Как отмечает Маргарет Кэнован, работа «Vita Activa» посвящена не политике как таковой, а условиям, при которых та становится возможной⁴⁷. Сама же политика в ней оказывается в «слепом пятне». Предлагаемые Арендт политические рецепты основаны не на тщательно разработанном понятии политики (которое, по выражению Кэнован, остается туманным

⁴⁷ Canovan 1994: 102.

⁴⁸ Canovan 1974: 125.

и романтизированным), но на общей концепции человека⁴⁸. Формула «друг—враг» у Шмитта отражает лишь *форму* политических отношений, а не содержание политической борьбы. Предельный формализм Шмитта проявляется, в частности, в тезисе об отсутствии у политического собственной предметной области. При этом политическое в его рассуждениях парадоксальным образом привязывается к государству, что задает известную «ложную дилемму» — либо сильное авторитарное государство, либо гражданская война⁴⁹. «Призрачной» предметной областью отношений «друг—враг» выступает человеческое. И поскольку оно незримо присутствует во всех сферах жизни, политические отношения могут базироваться на любой из них.

⁴⁹ См. Муфф 2004.

Обогащение формулы «друг—враг» оппозицией «человеческое—нечеловеческое» вводит в поле политической теории, например, вопросы внутреннего исключения и насилия над природой. *Предполитическое* состояние разоблачает тождество человеческого гражданственному, разумному, доброму. Эта цепочка эквивалентностей рушится там, где право и мораль обнаруживают свое репрессивное измерение и воспринимаются как инструменты насилия над людьми. Антропоморфизация природы и романтизация пролетариата в политической мысли предстают явлениями одного порядка, характеризующими *предполитические* ситуации, на основе которых должно случиться политическое событие.

Выявление *предполитических* ситуаций через идентификацию угнетенных позволяет увидеть скрытые в настоящем сценарии вероятного будущего. Возникающие на их основе политические события втягивают в себя в том числе и внешних наблюдателей. Проблематизируя настоящее, политическое событие дезавуирует детерминированность будущего. Его участники сталкиваются с неопределенностью, которая не может быть окончательно снята моралью или правом. Призрачные следы человеческого отступают перед политическим, обнажая нередуцируемую плюральность партикулярных образов жизни и мысли.

Библиография

- Агамбен Дж. (2011) *Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Агамбен Дж. (2012) *Номос sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*. М.: Европа.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа.
- Арендт Х. (2017) *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем.
- Аристотель. (2010) *Политика*. М.: АСТ.
- Бадью А. (2005) *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
- Болл Т. (2008) «Куда идет политическая теория?» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 387—411.
- Витгенштейн Л. (2011) *Философские исследования*. М.: АСТ.

Ганнел Дж. (2008) «Политическая теория: эволюция дисциплины» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 41—66.

Даль Р. (2008) «Политическая теория: истина и последствия» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 137—155.

Деррида Ж. (2006) *Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera, Esse homo.

Джеремино Д. (2008) «Возрождение политической теории» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 336—363.

Ильин М.В. (1995) *Очерки хронополитической типологии*. М.: МГИМО.

Истон Д. (2008) «Упадок современной политической теории» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 195—218.

Капустин Б.Г. (2010) «Тезисы о политической философии» // *Политические исследования*, № 2: 22—30.

Коббан А. (2008) «Закат политической теории» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 219—236.

Кожев А. (2013) *Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе*. СПб.: Наука.

Козеллек Р. (2016) «Введение» // Зарецкий Ю. и К.Левинсон, сост. *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.* Т. 1. М.: Новое литературное обозрение: 23—44.

Кун Т. (2009) *Структура научных революций*. М.: АСТ.

Майер Х. (2012) *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического»*. М.: Скимень.

Манхейм К. (1994) *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист.

Муфф Ш. (2004) «Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии» // *Логос*, № 6(45): 140—153. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/45/12.pdf> (проверено 25.10.2018).

Оукшот М. (2008) «Что такое политическая теория?» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 94—106.

Павлов А. (2008) «Гражданская война в политической теории» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 7—38.

Сэйбин Дж. (2008) «Что такое политическая теория?» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 67—82.

Уолин Ш. (2008) «Политическая теория как призвание» // Павлов А., ред. *Политическая теория в XX веке*. М.: Территория будущего: 277—324.

Филиппов А. (2004) «К теории социальных событий» // *Логос*, № 5(44): 3—28.

Филиппов А. (2015) «Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического» // Саликов А.Н. и И.О.Дементьев, ред. *Современное значение*

идей Ханны Арендт: Материалы международной конференции. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И.Канта: 52—65. URL: http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2015/12/ARENDR_SBORNIK_s_Annotats_posob-dragged-5.pdf (проверено 25.10.2018).

Шмитт К. (2016) *Понятие политического.* СПб.: Наука.

Штраус Л. (2000) *Введение в политическую философию.* М.: Логос, Праксис.

Berlin I. (1978) «Does Political Theory Still Exist?» // Berlin I. *Concepts and Categories: Philosophical Essays.* New York: The Viking Press: 143—172.

Canovan M. (1994) *Hannah Arendt: A Reinterpretation of Her Political Thought.* Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Canovan M. (1974) *The Political Thought of Hannah Arendt.* New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Dunning W.A. (1902) *A History of Political Theories. Vol. 1: Ancient and Mediaeval.* New York: Macmillan.

Dunning W.A. (1905) *A History of Political Theories. Vol. 2: From Luther to Montesquieu.* New York: Macmillan.

Dunning W.A. (1920) *A History of Political Theories. Vol. 3: From Rousseau to Spencer.* New York: Macmillan.

Laclau E. and C.Mouffe. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.* London, New York: Verso.

Lacoue-Labarthe P. and J.-L.Nancy. (1997) *Retreating the Political.* London, New York: Routledge.

Lefort C. (2000) *Writing: The Political Test.* Durham, London: Duke University Press.

Marchart O. (2007) *Post-Foundational Political Thought.* Edinburgh: Edinburgh University Press.

Sabine G.H. (1937) *A History of Political Theory.* New York: Holt, Rinehart and Winston.

Vincent A. (2004) *The Nature of Political Theory.* Oxford: Oxford University Press.

политика

N.Yu.Savin

POLITICAL THEORY AND CONCEPT OF THE POLITICAL

Nikita Yu. Savin — Senior Lecturer at the School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design, National Research University *Higher School of Economics*. Email: nikita.savin@hse.ru.

Abstract. The concept of the political is a central and yet one of the most controversial categories in the political thought. Despite the long history

of reflection about the concept of the political, today there is still a lack of consensus not only about the substantive content of this notion, but also about its very right to exist. The purpose of this article is to clarify the epistemological opportunities of political theory in relation to the concept of the political.

If political theory is part of positive political science and is an autonomous form of knowledge, independent from philosophy, it must also include a special way of thinking about the political. The article gives a brief description of the subject field of political theory, describes the specificity of its view on social and political phenomena, and justifies the statement that the political manifests itself in the form of an event.

By virtue of the immanent bias of political thought, it is impossible to know about a political event beyond its borders. Thus, according to the author, political theory should focus on pre-political situations, in which political events can occur. To identify such situations, it is necessary to shift the focus from the “friend—enemy” formula to the “human—non-human” dichotomy. A political event happens when the fundamental norms of humanity are problematized at the collective level and a space opens up where people involved in the event are forced to take one or the other side. The boundary between human and non-human in a political event is erased, which determines the existential nature of the confrontation between friends and enemies.

Keywords: political theory, the political, political concepts, political event, human

References

- Agamben G. (2011) *Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [*Homo Sacer. Il potere sovrano e la vita nuda*]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Agamben G. (2012) *Homo sacer. Chto ostanetsja posle Osventsima: arhiv i svidetel'* [*Quel che resta di Auschwitz. L'archivio e il testimone*]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revolutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Arendt H. (2017) *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni* [Vita activa oder Vom tätigen Leben]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Aristotle. (2010) *Politika* [Politics]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Badiou A. (2005) *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Peut-on penser la politique? Abrégé de métapolitique]. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Ball T. (2008) “Kuda idet politicheskaja teorija?” [Where Does Political Theory Go to?] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 387—411. (In Russ.)
- Berlin I. (1978) “Does Political Theory Still Exist?” // Berlin I. *Concepts and Categories: Philosophical Essays*. New York: The Viking Press: 143—172.
- Canovan M. (1974) *The Political Thought of Hannah Arendt*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Canovan M. (1994) *Hannah Arendt: A Reinterpretation of Her Political Thought*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Cobban A. (2008) “Zakat politicheskoy teorii” [The Decline of Political Theory] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 219—236. (In Russ.)

Dahl R. (2008) “Politicheskaja teorija: istina i posledstvija” [Political Theory: Truth and Consequences] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 137—155. (In Russ.)

Derrida J. (2006) *Prizraki Marksa: Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyj internatsional* [Spectres de Marx: L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale]. Moscow: Logos-altera and Ecce homo. (In Russ.)

Dunning W.A. (1902) *A History of Political Theories. Vol. 1: Ancient and Mediaeval*. New York: Macmillan.

Dunning W.A. (1905) *A History of Political Theories. Vol. 2: From Luther to Montesquieu*. New York: Macmillan.

Dunning W.A. (1920) *A History of Political Theories. Vol. 3: From Rousseau to Spencer*. New York: Macmillan.

Easton D. (2008) “Upadok sovremennoj politicheskoy teorii” [The Decline of Modern Political Theory] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 195—218. (In Russ.)

Filippov A. (2004) “K teorii sotsial’nykh sobytij” [The Theory of Social Events] // *Logos*, no. 5 (44): 3—28. (In Russ.)

Filippov A. (2015) “Khanna Arendt i Karl Shmitt: dva ponjatija politicheskogo” [Hannah Arendt and Carl Schmitt: Two Concepts of the Political] // Salikov A.N. and I.O.Dementiev, eds. *Sovremennoe znachenie idej Khanny Arendt: Materialy mezhdunarodnoj konferentsii* [Contemporary Meaning of Hannah Arendt’s Ideas: Materials of International Conference]. Kaliningrad: Izd-vo Baltijskogo federalnogo universiteta imeni I.Kanta: 52—65. URL: http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2015/12/ARENDR_SBORNIK_s_Annotats_posob-dragged-5.pdf (accessed 25.10.2018). (In Russ.)

Germino D. (2008) “Vozrozhdenie politicheskoy teorii” [The Revival of Political Theory] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 336—363. (In Russ.)

Gunnell J. (2008) “Politicheskaja teorija: evolutsija distsipliny” [Political Theory: Evolution of the Discipline] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 41—66. (In Russ.)

Ilyin M.V. (1995) *Ocherki khronopoliticheskoy tipologii* [Essays on Chronopolitical Typology]. Moscow: MGIMO. (In Russ.)

Kapustin B.G. (2010) “Tezisy o politicheskoy filosofii” [Theses on Political Philosophy] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 22—30. (In Russ.)

Kojève A. (2013) *Vvedenie v chtenie Gegelja: Leksii po Fenomenologii dukha, chitavshiesja s 1933 po 1939 g. v Vyshej prakticheskoy shkole* [Introduction à la lecture de Hegel]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

- Koselleck R. (2016) “Vvedenie” [Introduction] // Zaretsky Yu. and K. Levinson, eds. *Slovar’ osnovnykh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat’i v 2 t.* [Dictionary of the Main Historical Concepts: Selected Articles in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie: 23—44. (In Russ.)
- Kuhn T. (2009) *Struktura nauchnykh revolutsij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Laclau E. and C. Mouffe. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso.
- Lacoue-Labarthe P. and J.-L. Nancy. (1997) *Retreating the Political*. London, New York: Routledge.
- Lefort C. (2000) *Writing: The Political Test*. Durham, London: Duke University Press.
- Mannheim K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnose unserer Zeit]. Moscow: Jurist. (In Russ.)
- Marchart O. (2007) *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Meier H. (2012) *Karl Shmitt, Leo Strauss i “Ponjatie politicheskogo”* [Carl Schmitt, Leo Strauss und “Der Begriff des Politischen”]. Moscow: Skimmen. (In Russ.)
- Mouffe C. (2004) “Karl Shmitt i paradoks liberalnoj demokratrii” [Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy] // *Logos*, no. 6 (45): 140—153. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/45/12.pdf> (accessed 25.10.2018). (In Russ.)
- Oakeshott M. (2008) “Cho takoe politicheskaja teorija?” [What Is Political Theory?] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 94—106. (In Russ.)
- Pavlov A. (2008) “Grazhdanskaja vojna v politicheskoi teorii” [Civil War in Political Theory] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 7—38. (In Russ.)
- Sabine G. (1937) *A History of Political Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Sabine G. (2008) “Cho takoe politicheskaja teorija? [What Is Political Theory?] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 67—82. (In Russ.)
- Schmitt K. (2016) *Ponjatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Strauss L. (2000) *Vvedenie v politicheskiju filosofiju* [An Introduction to Political Philosophy]. Moscow: Logos, Praxis. (In Russ.)
- Vincent A. (2004) *The Nature of Political Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Wittgenstein L. (2011) *Filosofskie issledovanija* [Philosophische Untersuchungen]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Wolin S. (2008) “Politicheskaja teorija kak prizvanie” [Political Theory as a Vocation] // Pavlov A., ed. *Politicheskaja teorija v XX veke* [Political Theory in the 20th Century]. Moscow: Territorija budushchego: 277—324. (In Russ.)